

УДК [94(47).084.5(234.44):94(47).084.5(253.3)]-36

UDC [94(47).084.5(234.44):94(47).084.5(253.3)]-36

А.Б. ГУЛАРЯН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Орловский государственный аграрный университет
E-mail: agularyan@yandex.ru

A.B. GULARYAN

Candidate of History, Associate Professor, Department of Humanities, Orel State Agrarian University
E-mail: agularyan@yandex.ru

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОРГАНАМИ ГПУ-ОГПУ ДВИЖЕНИЯ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-Х гг. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА*

NEUTRALIZATION BY ORGANS OF GPU-OGPU OF MOVEMENT OF SOCIAL REVOLUTIONARIES IN THE TERRITORY OF OMSK AND OREL PROVINCES IN THE 1920th. EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE ANALYSIS

В статье на историческом материале Омской и Орловской губерний дается сравнительный анализ ликвидации дел в правосладоистическом и леворадикальном движениях в 1920-х гг. и методов, которые использовали органы ГПУ-ОГПУ для нейтрализации этих движений на подконтрольных территориях. При этом показано, что если в Омской губернии чекистам пришлось применять весь арсенал имеющихся в их распоряжении методов, то в Орловской губернии организованное движение левых эсеров было уничтожено в 1925 году и больше не возобновлялось.

Ключевые слова: ГПУ-ОГПУ, правые эсеры, левые эсеры, арест, организация, ликвидационное движение, оперативное наблюдение, Омская губерния, Орловская губерния.

In the article on the historical material of Omsk and Orel provinces the comparative analysis of a situation in the right socialist and Left-wing radical movements in the 1920 th and methods which used departments of GPU-OGPU for neutralization of these movements in under control territories is given. Thus it is shown that in the Omsk province security officers had to apply all arsenal of the methods which are available at their order: defeat of the organizations in the city and arrests on the railroad, stimulation of the liquidating movement with a simultaneous grubbing of new manifestations of an underground, expeditious supervision over the former members of parties of Social Revolutionaries and Mensheviks; in the Oryol province the organized movement of the left Social Revolutionaries was destroyed in 1925 and wasn't resumed any more. It is connected with that the Omsk province long time was under control of the anti-Soviet Siberian government which was rather loyally treating the right Social Revolutionaries. In Orel spontaneous and planned «combing-outs» of an asset of these parties began even during civil war.

Keywords: GPU-OGPU, right Social Revolutionaries, left Social Revolutionaries, arrest, organization, liquidating movement, expeditious supervision, Omsk province, Orel province.

В статье предпринята попытка сравнительного анализа исторических процессов, происходивших в двух сходных с геополитической, экономической и социально-исторической точек зрения регионах России – Омской и Орловской губерниях. Хотя первый регион относится к Сибири, а второй – к Европейской России, между ними можно найти много общего. Омск является центром важного хлебопроизводящего и транзитного сибирского региона, который являлся геополитически важным плацдармом при продвижении России на юго-восток, во Внутреннюю Азию. Орел – это центр важного хлебопроизводящего и транзитного региона Европейской России, бывшая «засечная черта» Русского государства, геополитический плацдарм для продвижения на юго-запад, на Украину и в Северное Причерноморье. Омск расположен на пересечении двух

крупнейших транспортных артерий Сибири – Иртыша и Транссиба. Орел стоит на крупной речной магистрали – Оке, а железные дороги из него расходятся на Москву, Курск, Ригу и Воронеж, делая этот город железнодорожной столицей края. В период гражданской войны Омск стал столицей козачковского Сибирского правительства и был взят наступающей Красной Армией. Орел тоже побывал в роли временной столицы – в XVII веке здесь собирал свои силы для похода на Москву Лжедмитрий II. В октябре 1919 г. здесь произошло крупнейшее за всю гражданскую войну Орловско-Кромское сражение. И, наконец, в конце гражданской войны Орловская губерния оказалась на периферии крупнейшего в стране крестьянского восстания – «Антоновщины», а Омская – Западно-Сибирского (Ишимо-Петропавловского) восстания. То есть, сравнение происходящих здесь

* Статья подготовлена при поддержке правительства Омской области (грант правительства Омской области № 0152200001315000067, лот № 1 от 16.07.2015 г.)

исторических процессов, в частности ликвидации большевистским режимом оппозиционных партий, будет вполне корректным.

После революции и гражданской войны спектр политических организаций России был серьезно урезан по сравнению с 1905-1917 гг. Ни правоконсервативных (черносотенных), ни буржуазно-либеральных (кадетско-октябристских) организаций на политической арене уже не было. Первые перестали существовать после падения монархии 2 марта 1917 г., вторые – в ходе гражданской войны.

Окончание гражданской войны закрепило доминирующее положение большевиков в России. Но рядом с правящей партией продолжали существовать лево-радикальные и правосоциалистические политические организации анархистов, левых эсеров, меньшевиков и правых эсеров. Большевистское руководство страны не без основания видело опасность в дальнейшем существовании этих партий, особенно правосоциалистических. Им не могли забыть, что гражданская война фактически началась с контрреволюционных переворотов, совершенных меньшевиками и эсерами под флагом Учредительного собрания в Поволжье и Сибири, а закончилась Тамбовским (1920-1921 гг.) и Ишимско-Петропавловским (февраль-май 1921 г.) восстаниями, в которых эсеры также принимали непосредственное участие. Кроме того, сторонники партии эсеров работали в различных учреждениях, на предприятиях и на транспорте, что создавало большие возможности для саботажа и диверсий. Все это вкупе с наметившейся в годы НЭПа тенденцией к восстановлению влияния эсеров в деревне делало Партию социалстов-революционеров опасной для большевистского режима.

Впрочем, некоторые исследователи склонны отрицать объективную опасность правосоциалистических партий для советской власти. Объясняется это неспособностью правых социалистов плодотворно работать в условиях перманентного экономического кризиса и недоступностью их программных установок для малограмотного населения. Поддерживающих правых социалистов интеллигентов было недостаточно для захвата власти, а сами партии объявили о своей лояльности существующему режиму и отказе от вооруженной борьбы [1, с.51-52].

Однако отдельные лидеры меньшевиков и эсеров в условиях НЭПа стали резко критиковать непоследовательность властей в проведении экономической политики, потребовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Поэтому советское руководство разработало план ликвидации партийных структур правосоциалистических партий.

Была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ГПУ-ОГПУ по борьбе с политическими противниками советской власти. Поэтому последовавшие события – судебный процесс над руководством партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортация из страны и ссылка в

отдаленные районы страны нежелательных лиц можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП (б) и реализованной ГПУ-ОГПУ.

Комплекс мер, практиковавшихся ГПУ-ОГПУ против правых социалистов, включал в себя взятие на учет всех членов оппозиционных партий, в том числе записанных о выходе из организаций, «соучастующих» этим партиям, и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест и тюремное заключение [13]. При этом основной удар направлялся все-таки не по меньшевикам, а по правым эсерам.

28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП (б) постановил «предложить вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалстов-революционеров» [4, с.516]. Весной 1922 г. органы ГПУ стали собирать материалы о контрреволюционной деятельности Партии правых социалистов-революционеров в годы гражданской войны.

Подготовка показательного процесса над политическими противниками большевиков вызвала возмущение в мире и резкую реакцию со стороны левой российской эмиграции. Проживавшие в Берлине лидеры меньшевиков (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступили с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция представителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о предстоящем суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов расценил предстоящий суд над руководством эсеров как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», как «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». В ответ представитель Коминтерна К.Б. Радек дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять к осужденным смертной казни. В свою очередь ЦК РКП(б) в мае 1922 предложил местным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов» причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» [22, л.101-102]. Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии так называемых свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей [1, с.54].

С 8 июня по 7 августа 1922 г. специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК рассмотрело дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров. Обвинение было предъявлено 218 социалистам-революционерам, предстали перед судом 34 человека. После долгого пятидесятидневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Он приговорил к расстрелу 12 обвиняемых (из них 8 членов ЦК партии) и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждался при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы [9].

Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» [Цит. по: 14, с.139]. Однако, добившись освобождения лидеров партии, левая русская эмиграция и деятели Второго Интернационала усугубили положение рядовых эсеров на местах. Потерпев поражение в попытке публичного осуждения эсеровского движения, большевистское руководство поспешило ликвидировать остатки эсеровских организаций в российской провинции.

Директивой ГПУ от 11 августа 1922 г. № 25706/10069ш всем губернским отделам приказывалось немедленно произвести аресты всех активных эсеров, подготовить их личные дела для ревтрибуналов или высылке за пределы губерний [17, л.215]. 26 августа того же года поступило новое указание: «в трехдневный срок изъять из железнодорожных и водных путей всех правых эсеров без различия должности» [17, л.214]. Всех «изъятых» людей предлагали распределить на три группы: «активных» – предать суду Ревтрибунала, «малоактивных» – отправить в ссылку, «подозрительных» – устранить с транспорта по сокращению штатов. С конца декабря 1922 г. губернские и уездные комитеты РКП(б) стали повсеместно создавать специальные комиссии для проведения чистки кооперации от эсеро-меньшевистских элементов [6, с.6].

После начала НЭПа и в ожидании проведения аналогичных мер в политической сфере («политическое НЭПа») произошла заметная активизация эсеров в Омске и губернии. Весной 1922 г. был восстановлен городской комитет ПСР. Данные по составу комитета у омских исследователей разнятся. А.А. Штыбул утверждает, что в комитет входили: Муранова, Лунегов, Кафтан, Абрамов [16, с.9]. В диссертации В.П. Васильского к комитету причислены: Лунегов, Лозовой, Римша, Разумовский, Гилевский, Косинов [2, с.81]. Впрочем, оба автора указывают, что состав комитета постоянно менялся из-за отъезда членов в другие

города и арестов. Тем не менее, создание комитета благоприятно сказалось на работе эсеров среди интеллигенции, кооператоров и молодежи, а также в сельской местности Омской губернии. В Омской организации наметились два идейно-политических течения: «народовластие» (за Учредительное собрание) и «трудовластие» (за признание советской формы правления) [16, с.9]. Активизация эсеров в первые месяцы 1922 г. серьезно обеспокоила местные органы Советской власти. В конце марта 1922 г. омские органы ВЧК-ГПУ произвели аресты наиболее активных эсеров, в первую очередь членов временного губернского комитета и горкома – всего было арестовано 34 человека. Оставшиеся на свободе социалисты-революционеры ушли в глубокое подполье [6, с.5]. В это же время появилось заявление группы лидеров Сибирского крестьянского союза: социалистов-революционеров Юдина, Тяпкина, Тагунова-Ельшевича, Дьяконова и народных социалистов Игнатьева, Меринова, Савченко о том, что в условиях НЭПа они, оставаясь сторонниками народнической идеологии и идейными противниками коммунистов, заявляют о своем примирении с Советской властью [16, с.9].

Одной из особенностей состояния организации ПСР в Сибири было наличие большого количества правых эсеров на различных должностях железной дороги. Транссибирская железнодорожная магистраль до сих пор имеет важнейшее стратегическое значение для России. Наличие на стратегическом объекте подобно уровню актива враждебной партии воспринималось правящим режимом весьма болезненно. Это усугублялось тем, что к январю 1922 г. (к началу поездки Ф.Э. Дзержинского в Сибирь) деятельность чекистов в отношении эсеров на железной дороге находилась в неудовлетворительном состоянии. В информационной сводке Омской транспортной ЧК за 1-15 января 1922 г. констатировалось: «Работа по выявлению деятельности антисоветских партий с 1 по 15 января по единой системе производилась с чисто технической стороны, т.е. заводилось дело на каждую партию в отдельности, заведены личные дела на каждого члена антисоветской партии и группировался материал исторического характера. Работа же по выявлению их деятельности не производилась по следующим причинам: во-первых, за неизменением надлежащего осведомления и, во-вторых, невозможности учесть количество членов антисоветских партий, находящихся на транспорте в данное время. За неприготовленности аппарата регистрации, который не в состоянии был дать сведений о том или ином лице, требуемых секретным осведомлением, из чего уточненные по старой системе 41 лицо бывших эсеров не подразделены на группировки и течения. Большим тормозом правильного распределения течений вышеозначенных лиц послужило сокращение штата на транспорте, почему все лица, взятые на учет, требуют проверки в отношении установления настоящего местонахождения и сферы их деятельности, так как многие лица попали под сокращение штата» [21, л.14]. То

есть, Омский транспортный отдел ВЧК фактически распался в собственной беспомощности. Но директивы об «изъятии» в трехдневный срок всех правых эсеров с транспорта никто не отменял. Это заставило омских чекистов координировать свои действия по удалению эсеров с Транссиба с мероприятиями по ликвидации губернской организации ПСР.

По утверждению В.П. Василевского, в ходе ликвидации Омского городского комитета ПСР был установлен, но оставлен на свободе Пегальский, член городского комитета от железнодорожников. Разработка его связей позволила установить состав железнодорожной группы эсеров и ее связи с партийным центром [2, с.83].

В информационной сводке Омского линейного отделения окружного транспортного отдела ГПУ за 15-31 мая 1922 г. это описано следующим образом: «За последнее время в связи с ликвидацией эсеров в районе Омского ЛООКТОГПУ в контакте с губотделом ГПУ были произведены массовые операции по изъятию эсеров. У рабочих и служащих настроение заметно улучшилось» [20, л.16]. На протяжении 1922-1923 гг. Советской властью широко проводилась кампания по очистке транспортной инфраструктуры от нежелательных ей элементов. В ходе нее с октября 1922 г. в Сибири стали создаваться специальные «тройки» для выявления «неблагонадежного элемента» на транспорте [10, с.13].

Одной из последних страниц в истории Партии социалистов-революционеров в Омской губернии стало так называемое эсерское ликвидационное движение, развернувшееся во всей России в 1923 г. Оно началось во второй половине 1922 г., вскоре после суда над ЦК ПСР. Его проведение на территории Омской губернии подробно описано в монографии А.А. Штырбула [15]. При этом исследователь подчеркивает, что инициаторами ликвидационного движения стали именно эсеры Сибири и Урала [16, с.9] (хотя Московский съезд бывших эсеров состоялся еще 18 марта 1923 г.). Ликвидационное движение проходило под контролем местных органов РКП(б) и ГПУ.

17-19 августа 1923 г. в Омске состоялась губернская конференция бывших эсеров, на которой присутствовали 29 (по другим данным 30) делегатов от Омска и уездов (кроме Тары и Токалинска, которые, как объяснили организаторы, запаздывали). В Омске и губернии к ликвидационному движению прикнули около 80 бывших эсеров, хотя А.А. Штырбул считает эту цифру завышенной [16, с.9]. По данным исследователя А.В. Добровольского, в Омской губернии насчитывалось 58 эсеров-ликвидаторов. Исследователь отмечает, что «большинство рядовых членов отошли от партии еще в 1918-1920 гг. Именно они и составляли ту базу, на которой ГПУ развернула в дальнейшем операции по полному разгрому партии социалистов-революционеров» [5, с.86, 88]. Было принято обращение ко всем членам ПСР и крестьянам Омской губернии, в котором делегаты конференции призывали присоединиться к резолюциям Московского съезда бывших эсеров. В обращении, в частности говорилось:

«Для борьбы с растущими коммунистическими идеями во всем мире буржуазия создает черносотенные банды под названием фашистов... Предстоит последняя битва капитала против труда. Эта битва или приведет к мрачной беспробудной реакции, или откроет возможность к новой счастливой трудовой жизни. Где же наше место социалистов-революционеров, на какой стороне баррикад?» [Цит. по: 16, с.9] Впрочем, исследователь отмечает, что в ликвидационном движении приняла участие меньшая часть омских эсеров. Остальные оказались либо безучастны к движению, либо в оппозиции.

В свою очередь В.П. Василевский подчеркивает, что данная кампания в масштабах страны и Омского региона была разработана и проведена органами ОГПУ, руководствовавшимися указаниями правящей партии. В частности, актив эсеров-ликвидаторов составляли завербованные ГПУ в партийных рядах осведомители, предавшие своих бывших товарищей по партии. При этом В.П. Василевский ссылается на пример ликвидатора С.И. Богомолова, который арестовывал ЧК и ГПУ два раза в 1921 и 1922 гг. Последний раз дело в отношении него ГПУ прекратило «за отсутствием состава преступления». После этого С.И. Богомолов стал одним из самых активных омских ликвидаторов [2, с.88]. Важным показателем, по мнению В.П. Василевского, является также то, что «наиболее достойные омские эсеры-ликвидаторы» были впоследствии приняты в РКП(б). Это были Н.П. Соснин, С.И. Богомолов, А.И. Филлипов, И.И. Либгер, Т.Ф. Федоцев, И.И. Коминов. Из этого В.П. Василевский сделал вывод: «Учитывая, что работа на ГПУ была обязанностью членов РКП(б), а также то, что бывшие члены партии эсеров не могли вступить в коммунистическую партию без санкции органов ГПУ, не приходится сомневаться в том, что актив эсеров-ликвидаторов состоял из агентов губотдела ГПУ» [2, с.88-89].

Органы ОГПУ продолжали работу в отношении бывших членов ПСР и после прекращения партийной эсеров организованной деятельности. Все они находились на оперативном учете. Продолжалось агентурное наблюдение за бывшими членами оппозиционных партий. Например, в 1926 г. Омский КРО ОГПУ запросил Округком, известно ли последнему об эсерском прошлом работника Омметаллтреста Н.И. Коминова. Поводом для запроса стало выпущенное правлением треста товарищеское письмо к рабочим, в котором омские чекисты усмотрели «меньшевистский оттенок». Когда же выяснилось, что в правление треста входят бывшие меньшевики Мошинский и Щелоков, запрос перерос в серьезную оперативную проверку, которая, впрочем, состава преступления в деятельности правления треста не выявила [18, л.52].

Судя по чекистским документам, в Омске во второй половине 20-х гг. продолжали регулярно собираться группы эсеров и меньшевиков. Весной 1927 г. начальник Омского окротодела ОГПУ докладывал в округком о наличии в городе организованных оппозиционных групп:

«В городе есть группировки членов антисоветских партий: 1-я эсеры – 14 чел., 2-я с.-д. меньшевики – 8 чел. – обе восстанавливают связи, 3-я эсеры – 8 чел. – тесная связь и устройство своих на работу в советский аппарат, другой работы со стороны этих групп не отмечено» [19, л.1]. Из доклада следует, что все омские оппозиционеры находились под постоянным наблюдением органов государственной безопасности.

Собранный в 1920-е гг. в отношении эсеров оперативный материал в 30-е годы послужил основанием для репрессий в отношении них. В.М. Самосудов писал: «В период репрессий 1930-х гг. в Омске и регионе в числе других были осуждены (в том числе и приговорены к расстрелу) десятки лиц за принадлежность к антисоветскому эсерскому подполью (фактически уже мифическому: вина заключалась в принадлежности к ППС, а также в выражении недовольства существующими в СССР порядками)» [11, с.26-28].

В городе Орле в период НЭПа тоже воссоздается эсерская организация. Отличия состояли в том, что возникла она не сразу после провозглашения НЭПа, а три года спустя, в 1924-1925 гг., и принадлежала к партии не правых, а левых эсеров. Первоначально она называлась «Орловской группой левых народников», потом была переименована в «Областной секретариат левонародников». В документах Орловского губотдела ОГПУ встречается наименование «Орловские народо-вольцы», а само дело было названо «Делом народо-вольцев» [8, с.608].

Орловская организация ПЛСР была создана в сентябре 1924 г., когда несколько студентов существовавшего в это время Орловского механико-строительного техникума установили контакт с политическими ссыльными. Инициаторами создания группы были сын священника А.П. Святский и бывший студент Воронежского университета Н.Ф. Сечкин. В группу вошел также ссыльнопоселенец, бывший белый офицер и бывший заведующий музеем Северного Кавказа в Ростове-на-Дону И.С. Костеанди [8, с.608]. Позже к ним присоединился высланный в Орел из Воронежа за оппозиционную деятельность Н.В. Сахаров, организатор левозерского «Союза трудового студенчества» в Воронежском университете (1922-1923 гг.). Последний помог орловским молодым людям установить связь с секретарем центрального бюро «Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов» Г.А. Нестроевым, студентом Н.В. Смоленским в Курске и другими левонародническими руководителями (включая осведомителя ОГПУ С.М. Шапиро) [8, с.608]. Кроме него, по данным исследователя Я.В. Леонтьева, к группе присоединились С.А. Лузин, Г.А. Лузина, Б.К. Долгих, Л.А. Святозаров, О. Изюмов, Н.П. Святский, Н.П. Смоленский, В.М. Соколов, П.П. Богущ, Ф.Ф. Руднев, П.В. Давыдова, Н.И. Ливанский, Ю.Н. Дерюгин.

После встречи в Москве с Г.А. Нестроевым А.П. Святский уезжает из Орла в Ленинград, чтобы создать там группу ПЛСР. Орловскую группу возглавил Н.В. Сахаров. Скоро к группе присоединился видный

русский и украинский левый эсер Л.С. Венецианов-Вершинин, также отбывавший ссылку в Орле. Статус организации был повышен до «Областного секретариата левонародников».

Орловская группа «народо-вольцев» отпечатала несколько листовок. В первых числах ноября в Орле появилось отпечатанное на шпиритграфе «Обращение к трудовой интеллигенции» (24 экз.) от имени «Орловской группы левых народников». Прокламации «Беседа по крестьянскому вопросу», «Наши задачи» и «Письмо к русской молодежи» были не только размножены, но и разосланы в Москву, Ленинград и Курск [8, с.610]. С целью усиления агитационно-пропагандистской работы и привлечения новых членов через создание «троек» и «пятерок», а также для выработки устава организации 13 и 27 мая 1925 г. состоялись два важных совещания группы, на которых, в частности по инициативе приезжавшего в Орел из Ленинграда на каникулы А.П. Святского поднимался вопрос о бездействии Московского центра и выдвижении Орловской группы в качестве объединительного центра всех левонароднических групп страны [8, с.612].

Тогда же, в мае А.П. Святский написал еще одно «Письмо к молодежи». После одобрения оно было отпечатано на пишущей машинке (примерно 20 экз.) от имени «Областного секретариата левонародников». В это же время Н.В. Сахаровым, как последствием говорилось в обвинительном заключении, был «экспроприрован ротор из губземуправления» и установлен контакт с «главарями банды... бандитской вспышки на юге бывшего Кромского уезда, что доказывается обнаруженной у него, Сахарова, запиской об участниках банды и ее деятельности» [8, с.613-614].

К этому времени деятельность левозерской группы в Орле находилась под пристальным контролем чекистов. Как говорилось в справке на имя Ф.Э. Дзержинского «Состояние разработок по партии левых социалистов-революционеров и социалистов-революционеров максималистов»: «Обращает на себя внимание деятельность Орловской организации. Количественно малочисленная (5-6 человек), она отличается качеством: ссыльные Вершинин и Сахаров отличаются большой политической выдержанностью и подготовкой. Помышляют об эсках, о переходе на нелегальное положение, о выпуске листовок и пр. Налаживают связи с деревней» [7, с.100].

17 июня 1925 г. в Орле прошли обыски и аресты. Дело контролировало 5-е отделение Секретного отдела ОГПУ, специализировавшееся на борьбе с левыми эсерами. Во главе его стоял С.Б. Гельфер (в 1917-1920 гг. член ПЛСР), который 14 августа 1925 г. передал дело на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ, а 21 августа постановлением ОСО Венецианов-Вершинин, Сахаров, Святский осуждены к трем годам заключения, остальные сосланы.

Аресты 1925 г. положили конец существованию левозерского движения в Орле. Большевицкому режиму не пришлось даже прибегать для этого к комедии «ликви-

дационного движения». Согласно более поздним данным, группы социалистов-революционеров в 1928-1934 гг. существовали в Воронеже и Тамбове, но в Орле и Курске их не было. Правда, в апреле 1929 г. начальник Орловского окружного отделения ОГПУ А.С. Ермолаев сообщал о существовании некой «эсерской организации в Курске», с которой связан бывший орловский помещик Аккуратов, но эти данные не подтвердились [12, с.176].

Тем не менее, в конце 1920-х-начале 1930-х гг. в Орле, как и по всей стране, начались преследования бывших эсеров. Примером может служить судьба орловского крестьянина, бывшего левого эсера Ф.С. Зыбина, вступившего в эту партию в 1917 г. на волне наступившего после февральских событий энтузиазма. В 1918 г. он был мобилизован в Красную Армию и воевал на всех фронтах гражданской войны до 1920 г. После демобилизации был избран односельчанином председателем Ташнаковского сельского совета и оставался в этой должности почти десять лет. Но в 1929 г. ему «вспомнили» членство в ПЛСР, арестовали и раскулачили [3, с.115-116].

Приведенные выше факты показывают, что существовали весьма серьезные различия в неонародническом движении Омска и Орла: в Орле неонародники были представлены не «классическими» эсерами, а фракцией левых эсеров-максималистов. Они оказались менее укорененными в местном обществе, чем правые эсеры Сибири: для окончательного устранения их организации не потребовалась комедия «ликвидационного» движения. В отличие от Орла, в Омске даже после ликвидационного съезда чекисты продолжали выявлять конспиративные группы эсеров.

Причины подобных расхождений следует искать

в характере гражданской войны на территории обеих губерний. Омская губерния долгое время находилась под контролем антисоветского Сибирского правительства Колчака, в то время как Орел был под контролем Советской власти. В Орле в марте 1918 г. была разоружена банда «верховного комиссара» И.П. Сухоносова; в Ливнах в августе 1918 г. подавлен кулацко-эсерский мятеж. После этих событий, а также вызвавшего большой резонанс мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г. по территории всей Советской республики (включая Орел) прошла первая спонтанная волна арестов. Местные чекисты арестовали активистов право- и лево-социалистических партий, многие из которых были расстреляны. Но уже в феврале 1919 г. началась первая плановая операция против партактива правых и левых эсеров, которая продолжалась год. Пик ее пришелся на время взрыва МК РКП(б) в Леонтьевском переулке.

При приближении войск Деникина к Орлу чекисты начали очищать прифронтовую зону от белогвардейского подполья. Так, имеются сведения о ликвидации подпольной офицерской организации в городе Мценске летом 1919 г. При отступлении корниловцев из Орла и Кром с ними ушли и некоторые антисоветски настроенные местные жители. К концу гражданской войны территория Орловской губернии была в политическом отношении «стерильной» и молодым левонародникам приходилось начинать на пустом месте.

В Омской губернии плановые операции против партийного актива эсеров и меньшевиков начались фактически по окончании гражданской войны, в 1921-1922 гг. И они не носили такого радикального характера, как в Европейской России в эпоху «военного коммунизма».

Библиографический список

1. Боева Л.А. Ликвидация партий социалистов органами ГПУ-ОГПУ в годы НЭПа // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 2. С.56-62.
2. Васильевский А.В. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье (1922-1934 гг.) / Диссер... на соиск. уч. степ. к.и.н. Омск, 2015. 291 с.
3. Васильев В. Левый эсер Зыбин // У истоков Оки: энциклопедия жизни Глазуновского района. Орел, 2008. С.113-118.
4. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917-1922 гг.), 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. 680 с.
5. Добровольский А.В. Операции органов ВЧК/ГПУ против эсеров и меньшевиков в Сибири // Из прошлого Сибири. Вып. 1. Часть 1. Новосибирск, 1994. С.77-90.
6. Добровольский А.В. О характере и масштабах репрессий против эсеров и меньшевиков на территории Сибири в начале 1920-х годов // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгресс, 13-25 апреля 2015 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность»: сб. мат-ов в 2 т. Т. 1. Новосибирск: СГУГиТ, 2015. С.3-7.
7. Леонтьев Я.В. «Все организации осведомлением обеспечены». Документы российских архивов о партии левых эсеров в середине 1920-х гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93-104.
8. Леонтьев Я.В. Лезовозерское движение: организационные формы и механизмы функционирования // Диссер... на соиск. уч. степ. докт. истор. и. М., 2009. 823 с.
9. Назаров О. Год 1922-й. Суд над эсерами // Родная газета. 2007. 7 авг.
10. Олех Г.Л. Кровавые узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 20-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
11. Самосудов В.М. Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье. Омск, 1998. 233 с.
12. Саран А.Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928-1934 гг. Орел: Изд-во ОГАУ, 2003. 434 с.
13. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ. 1919-1924 гг. Т. 3. Ч. 1.
14. Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С.122-149.
15. Штырбуз А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX - первая треть XX в.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 612 с.
16. Штырбуз А.А. Эсерское движение в Омске и Среднем Прииртышье как фактор региональной истории (первая чет-

верть XX века). // Омский научный вестник. Серия: Исторические науки. 2012. № 3 (109). С.5-10.

17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф. П-1. Д.309.
18. Исторический архив Омской области (Далее - ИАОО). Ф. П-7. Оп. 2. Д.35.
19. ИАОО. Ф. П-7. Оп. 3. Д. 56.
20. ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 131-а.
21. ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 441.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293.

References

1. *Boeva L.A.* Liquidation of parties of socialists by bodies of GPU-OGPU in days of New Economic Policy // Bulletin of the Moscow city pedagogical university. Series: Historical sciences. 2009. № 2. Pp. 56-62.
2. *Vasilevsky V.P.* Activity of departments of GPU-OGPU in Omsk Priirtyshje (1922-1934) / The dissertation on competition of an academic degree candidate of historical sciences. Omsk, 2015. 291 p.
3. *Vasichkin V.* The left Social Revolutionary Zybin // At sources of Oka: encyclopedia of life of the Glazunovka district. Orel, 2008. Pp. 113-118.
4. V. I. Lenin and VChK: Collection of documents (1917-1922). 2nd prod. M.: Politizdat, 1987. 680 p.
5. *Dobrovolsky A.V.* Operations of bodies of VChK/GPU against Social Revolutionaries and Mensheviks in Siberia / From the past of Siberia. Release 1. Part 1. Novosibirsk, 1994. Pp. 77-90.
6. *Dobrovolsky A.V.* About character and scales of repressions against Social Revolutionaries and Mensheviks in the territory of Siberia in the early twenties // Interespko GEO-Siberia-2015. XI International scin. congress, on April 13-25, 2015, Novosibirsk: International scin. conf. "Global processes in regional measurement: experience of history and present": сб. materials in 2 v. Vol. 1. Novosibirsk: SSUG&T, 2015. Pp. 3-7.
7. *Leontyev Y.V.* "All organizations by notification are provided". Documents of the Russian archives on party of the left Social Revolutionaries in the mid-twenties / Ya.V. Leontyev//Domestic archives. 2008. № 5. Pp. 93-104.
8. *Leontyev Y.V.* Movement of left Social Revolutionaries: organizational forms and functioning / The thesis on competition of an academic degree of the doctor of historical sciences. Moscow, 2009. 823 p.
9. *Nazarov O.* The 1922nd. Trial of Social Revolutionaries // Native newspaper. 2007. 7 Aug.
10. *Olekh G.L.* Vital bonds. RCP(b) and ChK/GPU in the first half of the 20th: the mechanism of relationship. Novosibirsk, 1999.
11. *Samosudov V.M.* Historical etudes about repressions in Omsk Priirtyshje. Omsk, 1998. 233 p.
12. *Saran A.Y.* Power and public organizations in the Central Russia. 1928-1934. Orel: Publishing house of OSAU, 2003. 434 p.
13. The collection of circulars and orders of VChK-OGPU. 1919-1924. Vol. 3. P.1.
14. *Uritov I.H.* Destinies of the Russian social democracy // History Questions. 2006. № 3. Pp. 122-149.
15. *Shyrbul A.A.* Politic culture of Siberia: Experience of provincial multi-party system (the end of XIX – the first third of the XX century). Omsk: Publishing house of OmSPU, 2008. 612 p.
16. *Shyrbul A.A.* The movement of Social Revolutionaries in Omsk and Central Priirtyshje as a factor of regional history (the first quarter of the XX century) // The Omsk scientific bulletin. Series: Historical sciences. 2012. № 3 (109). Pp. 5-10.
17. State Archive of the Novosibirsk Region (SANR) F. P-1. 309.
18. Historical archive of the Omsk region (Further IАОО). F. P-7. Inv. 2. Case 35.
19. IАОО. F. P-7. Inv. 3. Case 56.
20. IАОО. F. P-1. Inv. 3. Case 131-a.
21. IАОО. F. P-1. Inv. 3. Case 441.
22. RGASPI. F. 17. Inv. 84. Case 293.